

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В России сегодня издается десяток журналов в области политологии, существует довольно много, около сотни, факультетов во всех ведущих университетах. Политологическая проблематика активно обсуждается и в России, и в мире; идет оживленная, глубокая и профессиональная дискуссия об общих и специфических закономерностях политического развития мира и их конкретных воплощениях в стратегиях странового, регионального и мирового развития. В рамках политологических исследований задача сравнения политического в разных культурных, политических, цивилизационных, этнических, конфессиональных средах важна и интересна, но русскоязычного научного журнала в области сравнительной политики пока нет. Путь исследований с использованием сравнительных методов не сильно накатан и достаточно сложен. Непроторенность пути делает исследование в этой области чрезвычайно увлекательным процессом, а постановка и решение проблем в сравнительной мировой и региональной перспективе — важным для российского интеллектуального сообщества. Дело в том, что задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны обращались к ним раньше, правда, по-своему и в другой последовательности, то есть пути решения этих не уникальных по отдельности проблем являются уникальными в совокупности для каждой страны из-за ее специфики. Какие страны и культуры в этом смысле все же являются уникальными? Корректна ли такая постановка вопроса? Что из опыта других стран может и должна использовать Россия? Как этот опыт в конечном счете применить, чтобы он работал во благо, а не во вред? С чем, в конечном счете, целесообразно сравнивать российский опыт и какие сравнения будут релевантными, научно корректными и могут практически использоваться, а не

только служить украшениями теоретической науки?

Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили переход к постиндустриальному. Опыт стран Запада важен с точки зрения оценки конечного этапа пути, но конкретный путь его прохождения Западом другим странам, судя по всему, повторить не удастся из-за отличий в экономической и политической структурах. Не решен пока и вопрос о дальнейшем направлении мирового развития после прохождения этапа построения развитого демократического постиндустриального общества Западом, так как не ясно, как будут «подтягиваться» другие и как этот процесс повлияет на дальнейший вектор развития человечества. Некоторые некогда довольно отсталые страны, особенно страны Востока, который в целом вступил на путь осовременивания позже, чем Запад, все же сумели его догнать, наметив цель, но достигая ее другим путем, более коротким и лучше соответствующим национальной специфике. Некоторые же страны только начинают движение в этом направлении или же никак не могут даже подступиться к нему. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической и социально-политической системы, которые приводят или не приводят к удачному завершению процесса осовременивания. Те страны, которые сумели найти свой путь, не равнозначный западному, то есть не равнозначный вестернизации, но и не отторгающий ее и учитывающий самый современный концептуальный опыт модернизации, сохранили свою культурно-цивилизационную специфику и самобытность, обогатив опыт мирового развития. Именно среди этой группы мы видим страны, которым удалось догнать Запад и

даже в некоторых случаях скорректировать путь мирового развития. Как правило, это были крупные страны, либо они представляли достаточно плотно спаянную цивилизационную группу.

Одновременно были и есть страны, которые объявили, что они пошли по пути копирования западного пути развития. Такое решение было связано с одновременным присоединением к западным финансовым структурам, военным союзам, блокам и сопровождалось в большинстве случаев массивной финансовой поддержкой и структурными реформами западного типа. Некоторые из таких стран также достигли существенных успехов в модернизации своих обществ. Но этот путь был открыт не для всех государств в силу как объективных, так и субъективных причин.

Одновременно не менее важен вопрос, касающийся самих наиболее развитых и продвинутых в области экономического и политического устройства стран: достигли ли они пика политико-экономического развития и все подтянутся к ним, и тогда... а что собственно будет тогда? Возможно ли всем странам мира достигнуть одинакового уровня политико-экономического развития, то есть возможна ли очень высокая степень гомогенизации мирового пространства и на какой основе она будет происходить? Куда собственно двигаются наиболее развитые страны? Постиндустриальное общество в расколоте мире — это конечный пункт развития человечества? Какие пути преодоления этой расколотости мира возможны? Как подступиться методологически к проблеме дифференциации мирового пространства и что в конечном счете из этой дифференциации следует в ближайшее время? Особенно для России. Особенно в связи с ее обособленным местом в мировой системе отношений в последние сто лет. Особенно в связи с тем, что эту обособленность не удалось полностью преодолеть, а попытки заставить весь мир приспособиться к себе не увенчались ус-

пехом и закончились кризисом в конце XX века, который так и не удастся полностью преодолеть.

Опыт модернизации разных типов чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального и научного решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии, оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, продлении президентского срока и изменении партийной, а возможно, и политической системы), пока идет скорее путем интуитивного поиска, чем научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и одновременно плодотворно и рационально использующей как свой собственный культурно-исторический опыт, так и наработки других стран. Ясно также, что эта проблематика пока слабо дискутируется на страницах научных политологических журналов, так как требует глубоких научных политологических знаний предмета и глубокой научной дискуссии.

Сравнительный анализ политической реальности других стран может помочь обойти много ловушек на пути модернизации. Некоторые, к примеру, КНДР, изменив конституцию, фактически осуществили «конституционный переворот», усилили военно-авторитарные методы правления и автаркию страны, но не смогли в силу этого решить экономические проблемы. Другие (к примеру, Сингапур, Республика Корея, Китайская Республика на Тайване, Китайская Народная Республика) использовали модель просвещенного авторитаризма для укрепления конституционного либерализма, осовременивания и экономического прорыва. Наиболее успешные из них не только добились очень высоких экономических стандартов жизни, но и осуществили построение развитых плюралистических демократий, т.е. обеспечили как матери-

альное, так и духовное улучшение жизни своего населения.

Даже так называемый институт премничества, неконституционный и традиционалистский по своей сути, конкретными странами был использован по-разному: в Испании такой путь открыл дорогу к политической и экономической либерализации и построению полноценной демократии, в Северной Корее укрепил личную авторитарную власть, а в Китае обеспечил «политическую паузу» при переходе власти после смерти Мао Цзэдуна к Хуа Гофэну (знаменитое приписываемое Мао Цзэдуну высказывание: «Когда дело в твоих руках, я спокоен») и, в конечном счете, расчистил путь для возвращения на политический олимп Дэн Сяопина, который «открыл» страну (*кайфан*), начал ее интенсивно модернизировать, но при этом сохранил монополию КПК в политической жизни. На Тайване переход политической власти от Чан Кайши к его сыну Цзян Цзинго был осуществлен традиционно (фактически монархическим путем «от отца сыну»), но передавалась власть по-современному, в рамках конституции Китайской Республики 1947 г. Пост премьер-министра Цзян Цзинго получил в 1972 г. за два года до смерти Чан Кайши, в год смерти президента Цзян Цзинго был избран председателем правящей партии Гоминьдан (ГМД), а пост президента страны получил только через два года после смерти Чан Кайши. Такой тип передачи власти обеспечил плавный отход от ультраправой модели и впоследствии открыл путь к построению на острове полноценной демократии с национальной спецификой, синтезирующей восточную специфику с западными политическими ценностями. Отдельный разговор и об эволюции экономически развитых плюралистических демократий, в которых (США, Великобритания, Франция, Испания и др.) политическая власть международным терроризмом была принуждена пересмотреть проблему полной открытости и политического плюрализ-

ма, введя определенные ограничения, но при этом не привела к полному пересмотру политических основ демократических режимов правления.

Для всех стран политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности, самоидентификацией и одновременно с экономической стагнацией или же осуществлением модели догоняющего развития либо ускоренной модернизации, т.е. вектор и скорость модернизации связаны, в конечном счете, с адекватностью политической системы, конкретного политического режима, политических институтов для решения этой задачи, а также с адекватностью и качеством сравнительного анализа процессов, происходящих в мире. Конкретным историческим развитием, цивилизационными особенностями, специфической политической культуры определяется специфика политических систем. Без изучения специфики политических процессов, политических систем и политической культуры невозможно составить адекватное представление о характере и сущности конкретной политической жизни стран. Понимание специфики политической культуры создает благоприятные условия для практического установления взаимовыгодных отношений с разными государствами, имеет оно и немаловажное значение для понимания путей исторической трансформации политических институтов самой России, т.е. эта проблематика имеет и теоретический, и вполне прикладной характер.

Адекватная адаптация мирового опыта и обогащение его отечественными исследовательскими наработками непосредственным образом связаны с методологическими дебатами в современной политологии, и прежде всего с обсуждением вопроса о соотношении общих и специфических закономерностей при анализе конкретной международно-политической и политической реальности.

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

То есть фактически речь идет о том, в какой степени на закономерности функционирования мировой социально-экономической и социально-политической системы влияют исторические, демографические, национальные, религиозные, экологические, политико-правовые, природно-ресурсные особенности, место и роль в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений. Эта проблематика и планируется стать центральной для нашего журнала.

* * *

Вообще говоря, любое сравнение нацелено на решение двух задач: оно должно обнаружить признаки генетического характера и дать историческое объяснение явления (явлений). Логико-математическими методами устанавливается основной принцип любого сравнения: сравниваемыми могут быть лишь те объекты, у которых имеются сходные признаки. Математическим аналогом этого принципа является следующее положение теории множеств: если два множества не содержат совпадающих элементов, то они не эквивалентны.

На этом принципе соответственно основаны две операции сравнения:

- операция отождествления, т.е. нахождение сходных признаков. В соответствии с этой операцией сравнивать можно только эквивалентные понятия, которые отражают сопоставимые объекты и явления (а для географических объектов — только одномасштабные);
- операция различия, т.е. установление и объяснение различий.

В соответствии с тем, какая из операций применяется, сравнение может быть полным (если оно состоит из двух операций — сравнения и различия) и неполным (если оно состоит только из операции отождествления).

При проведении сравнения должны выполняться два правила:

- до количественного (т.е. основанного на математико-статистических методах) различия необходимо провести качественное отождествление;

- сопоставлять сравниваемые явления нужно вначале по наиболее существенным признакам.

Сравнения могут быть в трех плоскостях:

1) пространственными (выявление пространственных, «спатильных» различий);

2) временными («темпоральными»): сравнение с прошлым — ретроспективное сравнение, с будущим — прогнозирование, причем они могут быть двух типов — исторические (т.е. нацеленные на выявление общих тенденций и линий развития) и международные (т.е. нацеленные на выявление различий для проникновения в суть международного явления);

3) пространственно-временными («спатильно-темпоральными»).

С методом сравнения тесно связаны методы построения типологий (т.е. выяснение генерализованных черт совокупности объектов, где объекты группируются по качественным признакам (функциям)) и классификаций (т.е. абстрагирования и обобщений, основанных на группировке объектов по количественным признакам). Типология и классификации помогают отвлечься от различий нескольких единичных объектов и сконцентрироваться на установлении их тождества на основе одного признака либо взаимосвязанной совокупности признаков. У типологии и классификации также есть свои правила, которые необходимо учитывать при построении.

Проблематика сравнительной политологии в конце XX в. становится в центр политической теории¹. Для точных наук

¹ П. Мэр («Сравнительная политология: общие проблемы»), Р. Дж. Далтон («Сравнительная политология: микроповеденческий аспект»), Л. Уайтхед («Сравнительная политология: исследования по демократизации») и Д.И. Аптер («Сравнительная политология: вчера и сегодня») в кн.: Политическая на-

основным является экспериментальный метод, для политических — системный и сравнительный, причем в практике политического исследования именно второй становится основополагающим и конкретно применяемым.

Реальная политическая жизнь бросает серьезный вызов сравнительной политологии как научной субдисциплине и исследованиям в области сравнительной политики как ее практико-ориентированной ипостаси: с одной стороны, сегодня под сравнительными методами понимается достаточно большое количество методов, методик и приемов, которые в совокупности представляют собой (или называются) сравнительной политологией и применяются в сравнительной политике; с другой — существует большое количество конкретных, включая страновые и частные, исследований, которые также называются сравнительными.

Основная проблема в области исследований сравнительной политики и сравнительной политологии и заключается в том, что нужно понять, как применяются оба эти подхода, чтобы за общей генерализацией не исчезли конкретный материал и конкретная специфика разных стран и чтобы частности и специфика «не поглотили» понимание существования общих закономерностей.

Таким образом, первая сложность сравнительной политологии и сравнительного метода в политологии заключается в сочетании специфики и генерализации, где за генерализацией не теряется специфика, а специфика не отрицает при этом наличия общих закономерностей.

Вторая проблема сравнительных подходов заключается в необходимости умелого сочетания или взаимодействия конфигуративных и статистических (количественных) подходов (методов). В конфигуративных исследованиях акцент делается на один либо несколько случаев таким образом, чтобы можно бы-

ло понять логику политической жизни в рамках ограниченного количества установлений². Логика такого исследования будет идти «вглубь» и включать в себя интерпретативные методы и методики. В конфигуративных исследованиях концентрируются на сравнении политических институтов и макрополитических переменных в сочетании с культурным, социальным или/и экономическим контекстом политической жизни. В рамках этого подхода в основном анализируется одна страна либо группа близких стран. В рамках исследования одной страны в такого рода подходе преобладающим становится не только интерпретативный, но также и даже интуитивный и интуитивно-интерпретационный метод, и поэтому в такого рода сравнительных исследованиях трудно провести грань между сравнительной политологией, сравнительной политикой и сравнительной политической историей как сферами самостоятельного научного анализа³.

Статистические подходы в рамках сравнительной политологии основаны на совершенно другой логике. В такого рода исследованиях одно (либо ограниченное количество) предположение проверяется статистически с использованием всего богатства материалов, а также наибольшего количества стран. Причем специфика материала каждой страны не является важной и может лишь подтвердить либо опровергнуть первоначальное предположение (либо группу предположений). В объяснениях статистического типа неважно, что факторы в подходах другого типа должны быть измерены и их важность может являться относительной.

² Терминология сравнительной политологии, особенно в России, еще не является полностью установившейся. В данном случае под термином «установления» имеется в виду аналог термина *settings* в англоязычной сравнительной политологии.

³ Об этом удачно написано Ф. Уилсоном (гл. 2. Раздел «The Political Legacy of History»). Wilson Frank L. *Concepts and Issues in Comparative Politics. An Introduction of Comparative Analysis*. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1996.

ука: Новые направления. М.: Вече, 1999. С. 309–386.

Однако в статистических подходах может быть предпринята противоречивая попытка «измерения», к примеру, культурных факторов для того, чтобы включить их в группу первоначальных предположений и подвергнуть статистическому кросскультурному и кроссстрановому анализу. В подходах статистического типа страна предстает в виде группы точных статистических переменных, которые могут быть подвергнуты статистическому (количественному) анализу.

Таким образом, в современной сравнительной политологии существует большее количество приемов и методик, которые находятся между этими двумя обрисованными нами крайностями. Чарльз Рэгин удачно отмечал, что, «хотя в широком смысле все методы общественных наук можно назвать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом в узком смысле понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся изучением сходства и различий между отдельными обществами»⁴. Вопрос о сравнительном методе как особом и специфическом для компаративистики сегодня активно дебатруется, так как существует влиятельное течение в современной политологии, которое отрицает, что сравнительные общественные науки в этом смысле вообще чем-то отличаются от общественных наук в целом и политических наук в частности. Точка зрения Ч. Рэгина на то, что в современной компаративистике наличествует четкий водораздел между качественными и количественными методами, т.е. сделан акцент на доминирование качественной традиции, не представляется достаточно

убедительной в силу высказанных выше аргументов.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс в своей книге «Сравнительная политология. Теория и методы», посвященной основам сравнительного метода в политологии, удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический либо описательный анализ данных групп стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов⁵.

Питерс подробно с примерами иллюстрирует свою убедительную типологию сравнительно-политических исследований. Соответственно, по Рэгину, в группу компаративных попадут только первые три группы исследований из классификации Питерса. Мы в нашем журнале планируем публиковать работы по всем типам сравнительно-политических исследований по классификации Питерса.

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кроссстрановый анализ не является единственным типом

⁴ Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М. : Общественный научный фонд, 1997. С. 32.

⁵ Peters B. Guy. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.

сравнительных исследований, т.е. исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно с этой точки зрения иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от другой, либо «в глубь» определенного политического явления, чтобы подвергнуть его «углубленному» анализу в сравнительной перспективе.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кроссвременной (кросстемпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института, явления «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы, естественно, понимая ее максимально расширительным образом. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Надо сказать, что анализ такого типа чаще используется в исследованиях политической истории, а не сравнительной политологии, правда, также в тех границах, где предметные поля этих двух дисциплин, имеющих все же разную методологическую базу, пересекаются. Важно отметить, что часть этого же предметного поля, но под другим углом, т.е. с учетом пространственно-географического и цивилизационного взгляда, разрабатывает и мировое комплексное регионоведение. При этом нужно учесть, что существуют политологи, предполагающие в связи с вышеперечисленными методологическими сложностями сравнительных подходов «конструировать» дисциплину на основе классификации теорий и концепций, которые анализируют и/или описывают объект, а не на основе самого объекта, и, надо сказать, делают

это весьма успешно⁶. Наш журнал планирует обойти указанные методологические тонкости, расширив предметное поле публикаций до анализа всех явлений политики в сравнительной перспективе.

Таким образом, не забывая об анализе общих закономерностей, мы будем пытаться подступиться к выявлению региональной и страновой специфики, вычленить определенные модели базисной идеологии в отношении разных типов политических систем и политических процессов с точки зрения разной методологической перспективы, две крайние позиции которой мы уже обозначили.

***

Нам очевидно, что существует связь между глобальными, общими проблемами и новыми тенденциями, связанными с трансформационными региональными процессами (изменением силы, экономической мощи, конфессиональными конфликтами и проецированием цивилизационного и конфессионального влияния), которые влияют, а в некоторых случаях и переформируют глобальный уровень отношений и глобальные, общие закономерности эволюции политической проблематики. Повышение степени изменчивости макрорегионального (а следовательно, и мирового) политико-географического пространства привело к тому, что оно меняется в мире в целом (образование «Большой Европы», НАФТА, региональная интеграция в странах Латинской Америки, появление стран БРИК и G-20).

Геополитическое изменение регионального пространства связано с трансформацией глобального лидерства и вызванных этим процессом региональных трансформаций и инициируется прежде всего глобальными игроками⁷. Сравни-

⁶ См.: Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М.: Инфра-М / Весь мир, 2001.

⁷ Подробнее аргументацию см. в кн.: Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»:

тельный анализ в этой сфере чрезвычайно важен, так как в современном мире пространство может стать проводником наднациональной идентичности и интеграционной политики или же дезинтеграционной (автаркической), национальной (националистической) политики и антиглобалистских решений, т.е. ограниченная ипостась мирового пространства — регион — может возникать как особая пространственно-временная конструкция, укрепляющая, ослабляющая или перестраивающая мировой порядок, а варианты обоснования регионального пространства (в том числе геополитические/политические, геоэкономические/экономические и этноконфессиональные) — содержаться в концепциях суверенитета, безопасности, усилении или ослаблении этнического начала, проповедании или низвержении религиозной/конфессиональной исключительности. При этом особая деликатность сегодняшнего момента состоит в том, что нынешнее противостояние различных цивилизационных мировосприятий и моделей политико-экономического устройства «может *против воли его участников* приобрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но не позволяя ему полностью разрушиться»⁸. Взаимодействие регионов Азии, Америки и Европы поддерживает наличие глобального уровня, однако этот же процесс указывает на утрату отдельными субъектами мировой политики возможности формулирования идеоло-

гизированной версии общих закономерностей. Поэтому мировое, региональное и фрагментированное пространство можно рассматривать как зону согласованных измерений и зону разногласий. Это предопределило политический интерес как к территориям, так и к пространственным связям, концептуализированным в различных проектах локальности, национального суверенитета, наднациональности, а в случае ЕС и постнациональности, сравнительный анализ которых представляет как научный, так и практический интерес.

В мире в целом, безусловно, возросла взаимозависимость государств и регионов, повысилась степень необходимости понимания общих закономерностей, адаптированных к конкретным условиям. В соответствии с этим новым качеством мировой процесс становится более субъектным, мировое пространство хотя и становится «плоским» (термин Томаса Фридмана) из-за процесса глобализации, но при этом остается дробным, а иногда и фрагментированным, т.е. пока не становится гомогенным, хотя общая степень его глобальности и повышается. Соответственно повышается и значимость сравнительных исследований и сравнительного анализа степени дифференцированности мирового пространства при общем росте его гомогенизации.

Признание этих положений позволяет дополнить (или, точнее, наполнить) описание общих закономерностей функционирования политического региональной и страновой «плотью и кровью» во всей сложности их реального функционирования, что и мы и предлагаем читателям нашего журнала.

Таким образом, анализ конкретного материала в области сравнительной политологии и сравнительной политики, как ее практико-ориентированной сферы, должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических

Мировая политика и энергетическая безопасность. М. : Ленланд, 2006. Разд. «Структурный анализ проблем мировой политики в контексте дискуссии о глобальном лидерстве». С. 10–23.

⁸ Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 21.

систем⁹, далее можно переходить к ознакомлению с общими характеристиками политических систем разных государств регионов мира, типологизированными по разным критериям¹⁰, потом углубиться в анализ конкретной специфики функционирования политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных «пространственных» или «спатальных» развертках), а затем уже исследовать пути эволюции политических систем и их региональную/цивилизационную специфику (т.е. анализ материала должен строиться на пространственно-аналитическом принципе, в дополнение к «спатальному» («пространственному») и «аналитическому» принципам). При этом очевидно, что, учитывая региональную/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание, по отдельности либо комплексно, три фактора, характеризующие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны постоянно решать:

- насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от лидеров мировой экономики, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;
- каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;
- каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они

влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны.

Применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политического, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционирует политическая сфера в конкретных странах, но и специфику ее функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности, в частности, применительно к проблематике мирового развития и анализу страновых версий модернизации.

* * *

Сформулированные принципы определяют методологические позиции, которые лежат в основе отбора материалов для публикации в нашем журнале, теоретических и практических построений, выводов прикладного характера. В этой связи при отборе материалов редколлегии предстоит в каждом конкретном случае определить следующие вопросы:

- каково соотношение системного анализа политических процессов с компаративистским при исследовании общественно-политических явлений;
- как автор определяет сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; как используются методологически корректные типы сравнений и соответственно какова аберрация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта аберрация может быть связана с пробле-

⁹ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002; Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: Инфра-М/Весь мир, 2000; Сморгун Л.С. Современная сравнительная политология. М.: МОНФ, 2002.

¹⁰ Основная литература: Дербишайр Дж. и Дербишайр Я. Политические системы мира. М.: Рипол класик, 2004; Вся Азия: Справочник. М.: АСТ-Муравей, 2003.

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

матикой корректного компаративного политического анализа;

- в чем смысл «пространственного» изложения материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатально», используя политологический термин) корректно анализировать материал;

- как в этой связи определять соотношение общих и специфических (региональных/страновых) закономерностей в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политического, соответственно каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов;

- как конкретно формулировать специфику конкретных обществ и явлений;

- каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем разных типов и какова степень практической применимости при методологической корректности подобного понимания;

- как проведено системное сравнение различных политических систем, расположенных в различных пространственных («спатальных») системах координат, несхожих в реальной жизни, особенно политических систем разных типов (западных и незападных), не подвергая себя опас-

ности или соблазну предвзятости в отношении политической системы какого-либо одного типа?

При определении этих вопросов парадоксальной по содержанию и одновременно банальной по форме является мысль о том, что от того пути, который выберет Россия, в значительной степени зависит вектор политического развития нашего мира. Ответ на вопрос, будет ли мир основан на диалоге разных цивилизаций и религий в едином потоке движения к гармоничному плюралистическому многомерному будущему либо возобладает тенденция к одномерной унификации в рамках одноплоскостного биполярного развития авторитарного типа, и должен дать в конечном счете, на наш взгляд, сравнительный анализ политического в журнале «Сравнительная политика», который должен стать площадкой для научной дискуссии по этим вопросам. Редколлегия надеется, что публикуемые в журнале материалы и статьи помогут и научному сообществу, и политикам ответить на вопросы, встающие перед современной Россией, в сравнительной перспективе и выработать ответы, адекватные формирующимся национальным интересам нашей страны.

А.Д. Воскресенский